

«ВЫСТРЕЛ» — так назывался судебный очерк П. Соловеев, напечатанный в нашей газете 11 мая нынешнего года. В нем была рассказана история подполковника МВД (мы назвали его Петром Ивановичем Тимофеевым), который, находясь при исполнении служебных обязанностей, унижал достоинство многих людей, допускал оскорбления и рукоприкладство.

Против Тимофеева было возбуждено уголовное дело, и он был осужден к четырем годам лишения свободы. Когда приговор был

прочитан, в зале городского суда раздался выстрел...

Почему Тимофеев сделал это? Корреспонденту довелось услышать разные суждения. Свою версию П. Соловеев изложила в очерке: признать себя виновным — это значило для него перечеркнуть всю свою жизнь, отказаться от самого себя... Он перестал понимать, что происходит, рухнул мир, в котором он чувствовал себя уверенно и твердо, а в другом мире он жить не хотел, возможно, и не смог.

ПИСЬМА, которые пришли в ответ на эту публикацию, очень разные. Среди авторов немного тех, кто полностью бы разделял мою точку зрения. Это объяснимо: жизненная драма, которая лежит в основе очерка, настолько сложна, что допускает множество толкований — в деталях. Но в главном — в оценке действий Тимофеева, той атмосферы, в которой эти действия оказались возможными, большинство из читателей с автором согласны. Однако есть одно письмо, где выражается настоящее возмущение этим выступлением газеты. Именно с него и хочется начать разговор.

«Я категорически не согласен с напечатанием в вашей газете статьи П. Соловеев «Выстрел». Я понимаю вещи так: перестройка — это не есть что угодно, лишь бы заострить внимание читателя. Перестройка должна помогать оценивать недостатки в жизни нашего общества, но не усугублять их. Конечно, написано остро, а для обывателя даже полезно в обывательской его жизни. Ему, обывателю, лишь бы побольше в беляе людей грязи найти. Тогда он закричит: «вот кто у нас порядки наводит». Н. Островский писал (может быть не точно привожу фразу): «Каждому надо иметь мужество, чтобы пустить себе пулю в лоб». Ведь это лишить себя самого главного — жизни. Ни когда обыватель не пойдет на это, и даже преступник, Тимофеев, я не могу назвать ни обывателем, ни тем более, преступником. Все-таки он преступил за главное в нашей жизни — за дело. Оскорбил, унижал его действия ни в коем случае нельзя признать нормальными, но и не стеснимся самоубийства. И между про-

Правда — не для узкого круга

чим, «перчатки по лицу», и «ребро ладони по шею» — очень сомнительны. Во всяком случае, воспитательный момент тут слаб — ненужная обаятельность делу не поможет, наверное, даже повредит. Между прочим, я уже многих в этом убедил. Нельзя же, в конце концов, все плохое валить только на руководителей.

М. М. БАРАНОВ, полковник внутренней службы, инвалид II группы, коммунист с 1954 года».

Мнение читателя дорого каждому пишущему. И то мнение, которое не совпадает с твоим, — тоже. Ведь не зря мы говорим, что истина рождается в споре. Вот и мне хочется поспорить с М. М. Барановым. Начну с его ссылки на обывателей, которым, де, не терпится покопаться в чужом грязном белье.

Не первый раз приходится слышать подобные доводы, и каждый раз возникает желание разобраться. Что же это за такой таинственный обыватель, угодить которому мы так боимся? В словаре Ожегова приводится два значения слова «обыватель». Первое: постоянный житель какой-нибудь местности. В этом смысле все мы — обыватели. Второе значение: человек, лишенный общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами. Разве нет в нашем обществе таких людей? Что говорить — падают. И вполне

возможно, что кто-то из них, прочитав какую-то статью, может перетолковать ее вкривь и вкось. Так сказать, в меру своего разумения. Что же, из страха перед этим вообще не говорить об острых проблемах? А как же остальные, не обыватели, к которым, я думаю, причисляет себя М. М. Баранов? Их-то за что лишать полноты информации о нашей жизни? А кроме того, чаще обращаясь к лучшему в человеке, стараясь приобщить его к серьезным мыслям, идеям, принципам, мы можем всколыхнуть и тех, кто пока равнодушен к общественным проблемам. Глядишь, и обывателей (во втором значении) станет меньше.

Теперь о другом. Об извините, «грязном белье». Что подводить под это определение?

Когда речь идет о делах глубоко интимных, не имеющих общественного звучания, журналисту не следует в них соваться. Но разве в очерке шла речь о таких вещах?

Поведение Тимофеева, образ его действий сказывались на настроении, здоровье, даже судьбах многих людей. И разве не предмет для разговора, если человек, облеченный властью, представляющий власть, своими действиями дискреди-

тирует ее в глазах многих? Кроме того, этот человек в каком-то смысле — отражение времени. Такой тип личности не возникает сам собой, нужна определенная атмосфера — попустительства и бесконтрольности, в которой немало лет существовали целые ведомства. Ведь не случайно в своем письме работники 32-го автотранспортного предприятия,

одобряя нашу публикацию, замечают, что в отношении правоохранительных органов «предпочитают умалчивать». Нет уже этого умолчания, в прессе появляются публикации, говорящие о недостатках, там имеющихся, но, как видно, в это сразу не поверить.

Одни сомневаются в гласности, другие ее боятся. Страх перед нею, да простит меня М. М. Баранов, мне кажется, есть и в его письме. Он восклицает: «перестройка не есть что угодно!». Правильно. Но тогда что есть перестройка? Опять умолчание? Мы беремся за большие темы не потому, что хотим «заострить внимание читателя», а потому, что стремимся вылечить болезнь.

Когда мы говорим или пишем о недостатках в экономике, народном образовании, здравоохранении, в тех же правоохранительных органах, делаем это с единственной целью — чтобы поскорее избавиться от этих недостатков.

Мы уже знаем, к чему приводит своеобразный обмен мнениями, с которым мы жили немало лет. Умолчание только помогало всему дурному разрастаться вширь и вглубь. Гласность же, как солнечный свет, убивает болезнетворные микробы.

Приходится снова и снова повторять все это, потому что у некоторых людей страх перед правдой вошел в плоть и кровь и «выдавливается» с трудом. Боясь правды, эти люди стараются убедить себя и других, что это и не правда вовсе. «Я не могу признать Тимофеева преступником». — восклицает М. М. Баранов. Чтобы так утверждать, нужно

не видеть очевидного. Я не говорю о чисто юридической стороне: дело скрупулезно изучали в разных инстанциях, в том числе в Верховном суде РСФСР, и приговор оставили в силе. Хочу сказать о другом: как относиться к тому, что человек, обязанный стоять на страже закона, живет жизнью, неестественной, с точки зрения нашей морали? Для него существует два закона. Писанный — исполнения которого он требует от других. И неписанный — для личного употребления и разрешающий. Ударить человека, оскорбить его, подгосовать документы, скрыть рапорт, хранить у себя пистолет... Все можно, все позволено — такой это был замечательный «закон», установленный им для себя. А когда его настигло наказание, можно представить, какой это был для него удар. Думается, такое же потяжелее переживали или переживают сейчас многие из тех, кто привык стоять «над толпой». Это тяжелая ломка, и возможны здесь всяческие драмы и даже трагедии.

В письме М. М. Баранова упоминается Н. - Островский. Видимо, речь идет о словах Павки Корчагина, известных нам со школьных лет. Но давайте вспомним, что Остров-

ский пишет чуть дальше: «умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой».

Но — не все из нас могут встать рядом с Николаем Островским. Не у всех хватает «мужества жить», о необходимости которого писал Сент-Экзюпери. И потому я не стала бы спешить с осуждением того, кто решился на крайний шаг. Дело в другом. Об этом

пишет наш читатель В. Гусев: «Вы не спросили себя: почему Тимофеев сделал этот выстрел именно в суде? Этот выстрел доказывает, что он ничего не понял в том, что происходит, не принял идей перестройки нашей жизни, которыми мы все живем. Я вспомнил героя хрестоматийного чеховского рассказа «Унтер Пришибеев». Ведь и он никак не мог понять, за что ему дали месяц ареста. «И для него ясно, что мир изменился и что жить на свете уж никак невозможно». Так и для Тимофеева: с его понятиями в обновляющемся обществе жить «никак невозможно».

Не знаю, сколь правомерно

Редакция получила ответ на статью «Выстрел», подписанный начальником Северо-Западного управления внутренних дел на транспорте В. Е. Власовым и начальником политотдела управления К. И. Ковалевым:

«Руководство и политотдел Северо-Западного УВД на транспорте сообщают, что статья «Выстрел», опубликованная в «Вечернем Ленинграде» 11 мая 1987 года, обсуждена в коллехтивах линейных отделов внутренних дел на транспорте.

Факты нарушений социалистической законности в линейном отделе внутренних дел на ст. Ленинград-Финляндский леги в основу дополнительных мер, принятых руководством управления и политотделом для предотвращения подобных явлений.

Во всех подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания, на которых дана принципиальная оценка сотрудникам, допустившим нарушения служебной дисциплины и социалистической законности. Укреплено руководство управления и нуждающихся в этом

наш читатель сравнивает дореволюционного темного унтера и сегодняшнего подполковника с дипломом вуза, но великий писатель тем и велик, что схватывает какие-то родовые черты...

Есть отклики и другого рода. Их авторы критикуют нас за мягкотелость. Читательница П. А. Клюева даже позвонила по телефону, чтобы выразить

свое негодование по этому поводу:

— А почему вы не назвали настоящее имя этого человека? К тому же описали его чуть ли не примерным работником. А он преступник: сколько людей от него пострадало. Признаться, испугались?

Нет, не испугались.

Конечно, мы сейчас стараемся говорить не вообще, а конкретно, и с этой точки зрения требования читателей правомерны. Но есть вещи, через которые переступить нельзя. Человек ушел из жизни, и его одно заставляет, ничуть не оправдывая его поступков, проя-

лять деликатность. Что же касается нашего упоминания о хороших качествах Тимофеева... Разве журналист не обязан быть объективным? Не сказать о них — означало бы обмануть читателей, создать у них неверное представление о человеке и о сути дела.

В этой истории не так важна фамилия, конкретный адрес, как само явление. Об этом говорится во многих письмах. Например, читатель, подписавшийся В. К. (жаль, что он не назвался полным именем), подробно анализирует недостатки, которые он обнаружил, проверяя по долгу службы несколько отделений милиции. Он выражает надежду, «что сейчас будет наведен порядок». Думаю, эти надежды обоснованы. Тем более что не только в Ленинграде, но и по всей стране в органах внутренних дел идет серьезная кадровая перестройка. Свидетельство тому такая цифра: за последние пять лет из этих органов за различные нарушения уволено около десяти тысяч человек.

Процесс очищения сложен. Он проходит болезненно и трудно. И гласность — безоговорок — может ему только помочь.

П. СОЛОВЕИ

подразделений, в том числе и на ст. Ленинград-Финляндский. Упорядочена работа с резервом на выдвижение на руководящие должности; в плановом порядке проходит аттестование сотрудников.

Усилиями руководства управления, линейных подразделений, политотдела, партийных организаций в коллехтивах сотрудников создается обстановка нетерпимости к любым проявлениям недобросовестного отношения к служебному долгу, невнимательного отношения к гражданам, неправильного поведения в быту.

Ведется бескомпромиссная борьба с лицами, не воспринимающими надлежащим образом меры воспитательного характера. В 1986—1987 годах за поступки, порочащие звание работника милиции, уволено 114 сотрудников.

Эти и другие меры благоприятно отражаются на положении дел: количество случаев нарушения социалистической законности в подразделениях значительно уменьшилось, возросла эффективность профилактики и борьбы с преступностью на обслуживаемых объектах.

ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД г. Ленинград

23 июля 1987